

Теория и методология Theory and methodology

DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_01_01

Гусельцева М.С.

Жизненные стратегии личности
в ситуации социокультурных изменений:
традиционалисты, модернисты, миксы

Guseltseva M.S.

Personality Strategies in a Situation of Sociocultural Changes:
Traditionalists, Modernists, Mixed

*Психологический институт РАО, Москва, Россия
Институт психологии им. А.С. Выготского РГГУ, Москва, Россия*

Социокультурные изменения выступают сегодня важным фактором для понимания развития личности в условиях современности. Социализация подрастающих поколений рассматривается в социальных науках как сложный и противоречивый процесс, где переплетены разные тенденции: общецивилизационные, связанные с распространением феноменов глобализации и цифровизации; общеевропейские, задающие культурные образцы, формирующие то или иное интеллектуальное течение, несущие технологические или социальные инновации; региональные, обусловленные способами жизни в локальных пространствах повседневности, отличающиеся наибольшим творчеством и разнообразием. Реакцией на трансформации современности становится социально-психологическая диверсификация, нормативное разнообразие жизненных траекторий и адаптационных стратегий личности. При этом в психологии социокультурные изменения могут быть осмыслены на разных уровнях анализа: в качестве методологической проблемы; в качестве особенностей развития личности в контекстах современности. В связи с этим предлагается развести конструкты «целостность личности» и «цельность личности». Первый рассматривается как методологический идеал, реализуемый посредством трансдисциплинарного подхода, широкого использования в психологии материалов социальных наук. Второй характеризует структурно-функциональные качества личности и приобретает в ситуации изменений неоднозначность, амбивалентность. Диалектическое понимание процессов современности, включающее

описание развития личности посредством антиномий, производит представления, согласно которым в сложных саморазвивающихся системах стабильность опирается на изменения; устойчивость нуждается в разнообразии; гражданская солидарность держится на личностной автономии, а качество социальной адаптации во многом определяется внутренним локусом контроля, способностью к автономии и индивидуализированной активности субъекта. Текущие социокультурные изменения служат предпосылками диверсификации, радикализации и гармонизации адаптационного поведения личности, представленного в социальных науках тремя идеальными типами жизненных стратегий: модернисты, традиционалисты, миксы (смешанные). Утверждается, что смешанные ценности и поведенческие стратегии лежат в основе высокого адаптационного потенциала российской молодежи, динамика которого обусловлена прежде всего социокультурным контекстом.

Ключевые слова: методология, личность, современность, жизненные стратегии, социокультурные изменения, трансдисциплинарный подход

Для цитирования: Гусельцева, М.С. Жизненные стратегии личности в ситуации социокультурных изменений: традиционалисты, модернисты, миксы // Новые психологические исследования. 2023. № 1. С. 7–29. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_01_01

Введение

«Время – это испытанье. <...>.
Время – кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас – его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять»

Кушнер А. Времена не выбирают (1978)

Социокультурные изменения, глобализация, информатизация становятся в наши дни важными факторами, определяющими развитие личности в современном мире. Сегодня мы имеем многомерную картину социализации молодежи, в которой переплетены самые разнообразные тенденции: *общецивилизационные*, связанные с распространением глобализации и цифровизации; *общеевропейские*, задающие культурную моду, формирующие те или иные интеллектуальные течения, продвигающие технологические и социальные инновации; *региональные*, обусловленные разными способами жизни в локальных пространствах повседневности и отличающиеся наибольшим разнообразием. Все эти процессы

создают сложное и противоречивое представление о современности. В общепланетарном масштабе учеными осмысливаются феномены транснациональной науки и транскультурных коммуникаций, глобальное снижение насилия и повышение стандартов качества жизни (Пинкер, 2021; Hare, Woods, 2020), а в сравнительных исследованиях выделяются культурно-психологические различия в жизненных стратегиях молодежи, например, такие, как стремление к ранней самостоятельности, независимости, автономии от семьи в англосаксонской традиции; опора на широкую социальную поддержку в Северной Европе; высокая значимость семейных, родственных и дружеских отношений в странах Южной Европы и Азии (Ядова, 2022; Einarsdóttir, Wagner, 2006; Jensen, 2009; Serracant, 2015).

Сложная и амбивалентная ситуация современности создает для развития личности определенные риски, но и открывает новые возможности. Перенасыщенность информационной среды и быстрота социокультурных изменений, умножающие фрагментарность и клиповость сознания, казалось бы, способны привести к утрате личностью ее цельности, но одновременно служат вызовом для поиска новых адаптационных стратегий, в том числе практик критического мышления и умения эффективно работать с массивами информации. При этом изменившиеся условия социализации молодежи побуждают ученых пересматривать сложившиеся представления о развитии личности, вводить новые конструкты, использовать в психологии интеллектуальный потенциал смежных наук.

Социолог М.А. Ядова, отмечавшая объединение в жизненных траекториях российской молодежи общеевропейских и локальных тенденций взросления, в то же время обратила внимание на «сильные региональные различия в нашей стране» (Ядова, 2022, с. 84). Подобная ситуация ведет к тому, что жизненные стратегии «сильноресурсных страт столичной молодежи» зачастую более схожи «с траекториями взросления их сверстников из Берлина или Парижа, чем ровесников из российской глубинки» (Там же). Выводы М.А. Ядовой подтверждаются материалами и других социологов, показывающих, что профессиональные ценности в наши дни способны повлиять на самоидентификацию личности в сообществе сильнее, нежели территориальная идентичность (Вахштайн, 2012).

Таким образом, сложные и противоречивые процессы социализации молодежи в условиях современности выступают предпосылками для появления разнообразных жизненных и адаптационных стратегий личности.

Целостность жизни и цельность личности

Жизненный путь человека практически в любую эпоху пролегает между Сциллой традиций и Харибдой инноваций – между ценностями безопасности и свободы, ориентациями на выживание или развитие (Ингхарт, 2018), выстраиванием индивидуальных жизненных траекторий и общепринятыми социальными практиками. Антиномичность в этом контексте оказывается важной аналитической категорией (Гусельцева, 2022). Ответом на текущую ситуацию социокультурных изменений становятся различные ценностные выборы и поведенческие стратегии личности. Так, в зарубежной социальной науке полярные жизненные позиции обсуждают в понятиях *нэйтивисты* и *глобалисты* (Крастев, 2018). В российской социологии подобные противоположные траектории развития личности получили название *традиционалисты* и *модернисты* (Ядова, 2008, 2015). Первые в этой ситуации ориентированы на культурный изоляционизм, сохранение status quo и поддержку образов прошлого, вторые – скорее привержены космополитизму, приветствуют культурные изменения и вдохновляются образами будущего.

С философско-антропологических позиций человек также рассматривается как антиномичное существо: для продуктивного развития ему необходимы свобода и безопасность, постоянство жизненного уклада и перемены. В современной социальной науке такие категории, как личность и общество, социализация и индивидуализация, свобода и безопасность, стабильность и изменчивость все реже противопоставляются друг другу и все чаще рассматриваются диалектически: либо как равно необходимые для социокультурного баланса и гармоничного развития; либо как обусловленные ситуативными вызовами и контекстуальными рамками. Диалектическое понимание процессов современности, описание развития личности посредством антиномий развивает в социальных науках представление, согласно которым в сложных саморазвивающихся системах стабильность нуждается в изменениях; устойчивость держится на разнообразии; гражданская солидарность строится на личностной автономии, а качество социальной адаптации во многом определяется внутренним локусом контроля, автономией и индивидуализированной активностью субъекта. Сложность и противоречивость развития человека в современном мире, понимание личности в динамике культурных изменений наиболее продуктивно охватывает трансдисциплинарный подход, побуждающий психоло-

гию становится частью общенаучного пространства социального знания (Гусельцева, 2022; van Lange, 2006).

При этом следует отметить, что социокультурные изменения могут осмысливаться в психологии личности на разных уровнях анализа – как методологическая проблема и как предпосылки повседневных практик личности в ситуации современности. С этих позиций важно различать конструкты *целостность* и *цельность* личности. Если *целостность личности* может рассматриваться как методологический идеал для полноты ее изучения, то *цельность личности* является не только характеристикой, но и одной из жизненных стратегий, приобретающей особую значимость в ситуации социокультурных изменений.

Как методологический идеал изучение целостной личности нашло отражение в психологических подходах, стремящихся перейти от изучения отдельных психических процессов к человеку в его повседневности, разнообразии социокультурных контекстов, а также ориентирующихся на междисциплинарные исследования (см., например: Зинченко и др., 2010). Цельность личности в ситуации социокультурных изменений представляет собой психологический конструкт, отражающий структурно-функциональное состояние (Беляев, 2014). Это означает наличие у человека осознанности и целеустремленности, активной жизненной позиции, сформировавшегося мировоззрения. Однако здесь возникает вопрос: является ли цельность личности необходимым психологическим ресурсом или же, напротив, становится препятствием в ситуации, требующей изменений от самого субъекта?

Философ И.А. Беляев справедливо обратил внимание, что понятия «целостность человека» и «цельность человека» нередко смешиваются, оставаясь противоречивыми и недостаточно детализированными (Беляев, 2014). Основной характеристикой цельной личности является соответствие ее ведущих ценностей и представлений повседневным жизненным практикам, определенная последовательность поведения. Однако в ситуации культурных изменений такого рода цельность личности вполне способна оказаться амбивалентным качеством. Введенные антропологами Дж. и Л. Спиндлер (Spindler, Spindler, 1989) конструкты «устойчивая самость» (enduring self) и «ситуативная самость» (situated self)¹ позволяют продемонстрировать, что цельная личность как таковая обладает различным адаптационным

¹Подробнее об этом речь пойдет в следующем разделе

потенциалом в зависимости от социокультурного контекста – требований индустриального или информационного, традиционного или современного общества. Если в традиционном обществе цельность личности формируется через стратегию укорененности в окружающем социальном пространстве, то в современном обществе она в большей степени опирается на внутренний локус контроля и собственные ресурсы самостроительства. Важным фактором социализации личности в информационную эпоху становится оснащенность ее современными социальными знаниями как средствами профилактики от формирования одномерного, технократического мышления. К тому же, цельность личности, подразумевающая целеустремленность и осознанность, в условиях информационного и модернизированного общества является задачей и системы образования, и саморазвития человека. Будучи одной из адаптационных стратегий в условиях современности, для своей продуктивной реализации цельная личность должна быть сбалансирована качествами саморефлексивности, гибкости и жизнестойкости.

Иным важным понятием в этом аналитическом контексте является *адаптивность* личности, которая также может рассматриваться методологически неоднозначно – как конформизм (получивший в оценочных суждениях характеристику приспособленчества) или же в качестве пластичности жизненных стратегий, открытости к будущему, готовности субъекта к тем или иным самоизменениям. Обратим здесь внимание на различие понятий *адаптивный* и *адаптационный* потенциал личности, где первое обозначает способность или готовность к адаптации, проявление адаптивных свойств субъекта, тогда как второе значит нахождение личности в условиях адаптации, пребывание в процессе приспособления, проживание и переживание адаптационного периода. В свою очередь, определение *адаптированный* характеризует человека, благополучно осуществившего адаптацию к культурным изменениям.

Обратимся к разнообразию адаптационных стратегий личности.

Типы адаптационных стратегий в ситуации культурных изменений

Итак, в ситуации социокультурных изменений люди отличаются различными адаптационными стратегиями. Эти стратегии изучались не только психологами, но и социологами, этнографами, антропологами. Представляется, что накопленные в этих исследованиях материалы весьма полезны для развития современной психологии личности,

особенно в сфере совладающего поведения, в разработке копинг-стратегий.

Проблема социокультурных изменений выступила ведущей темой социальных наук во второй половине XX в. Процессуальность (transactionalism, processanalyse) являлась исследовательским фокусом норвежского антрополога Фредрика Барта (Fredrik Barth, 1928–2016), полагавшего, что если мир непрестанно меняется, то общество следует рассматривать как динамическую систему социальных взаимодействий, в которой субъект играет гораздо более важную роль, нежели довлеющие над ним социальные структуры. С этих позиций Ф. Барт изучал процессуальные аспекты взаимодействия личности и общества, выводя на передний план социальные и индивидуальные действия субъекта в культуре (Eriksen, Nielsen, 2013).

Американский социолог и социальный психолог Алекс Инкельс (Alex Inkeles, 1920–2010) писал, что ни один «адекватный социологический анализ» не происходит без привлечения, «хотя бы и неявного, психологической теории» (Инкельс, 1972, с. 37). Основным достижением этого ученого стала разработанная им *концепция современного человека*, а также изучение культурно-психологических механизмов *индивидуальной модернизации личности* (Inkeles, 1975, 1998).

В свою очередь американский антрополог, социолог и психолог Джордж Спиндлер (George Spindler, 1920–2014) выделил целый ряд адаптационных стратегий личности при переходе от традиционной культуры к современной и в ситуации встречи разных культур, например, происходящих в связи с миграцией и аккультурацией субъектов (Spindler, 2000). Профессиональная карьера Дж. Спиндлера в качестве антрополога началась с изучения адаптации к культурным изменениям индейцев Меномини (Menominee) и продолжилась разработкой *культурной терапии* как одной из практик клинической антропологии, сочетающей антропологические и психологические подходы. Культурная терапия способствовала адаптации личности к культурным изменениям посредством проработки, с одной стороны, собственных преубеждений субъекта, а с другой – понимания ценностей и установок иной культуры. Адаптация личности к изменившейся культуре оценивалась по критерию самоэффективности – способности продуктивно жить и действовать в новом социокультурном контексте (Ibid.).

Анализируя традиционные и современные культуры, Дж. Спиндлер отмечал их различия в сложности и богатстве инструментальных связей (instrumental linkages), которые в изменяющихся и модернизирующихся

обществах становились более разнообразными и динамичными. Объединив для изучения адаптации личности к культурным изменениям психологическую я-концепцию с разработанной им инструментальной моделью (*instrumental activities model*), Дж. Спиндлер выделил два типа самости (*self*) – *ситуативную самость* (*situated self*), присущую личности в условиях городской, контекстуально разнообразной жизни, и *устойчивую самость* (*enduring self*), ассоциированную с традиционным образом жизни (Spindler, Spindler, 1989).

Дж. Спиндлер установил, что в ходе социокультурных изменений, при смене социальных норм, в ситуации культурного конфликта, например, при столкновении старых и новых ценностей, появляются несколько типов адаптационных стратегий: *подтверждение* (*reaffirmation*), *отстранение* (*withdrawal*), *конструктивная маргинальность* (*constructive marginality*), *бикультурализм* (*biculturalism*) и *ассимиляция* (*assimilation*) (Spindler, Spindler, 1989).

Подтверждение означает здесь убежденность в правильности ранее сложившихся способов реагирования, осознанное либо неосознанное упорство в следовании привычному жизненному укладу. Стратегией адаптации личности в этом случае является возврат к повседневным практикам прошлого, например, к неотрадиционалистскому образу жизни в условиях современности.

Адаптационная стратегия *отстранение* характеризует тех личностей, которые не готовы идентифицироваться ни с уходящей, ни с новой культурой. Это своего рода «лишние люди», которые, согласно Дж. Спиндлеру, более других членов сообщества рискуют увлечься саморазрушительными (в диапазоне от апатии до алкоголизма), деструктивными практиками.

Конструктивная маргинальность означает осознанный отказ от отождествления, как со старой, так и с новой культурой, но при этом у человека происходит формирование личной культуры (*personal culture*), продуктивной в инструментальном отношении. Это может быть «внутренняя эмиграция» как способ самосохранения интеллигенции в тоталитарную эпоху или образ жизни отшельника, показательным примером которого служит биография датского писателя Питера Хёга.

Ассимиляция означает более или менее продуктивный способ жизни в изменившейся культуре, принятие ее правил и ценностей. Историческим примером такого рода служит жизненный путь Аврелия Августина, олицетворяющий в европейской культуре переход от язычества к христианству.

В свою очередь, *бикультурная адаптация* является стратегией приспособления к практикам жизни разных культур. Это наиболее сложный вид адаптации, предполагающий смешивание или совмещение идентичностей. Примером такого рода выступает «креолизация» – синтез разных культурных традиций, посредством чего человек вполне осознанно творит свою новую идентичность (Eriksen, 2003). В инструментальном плане подобная адаптационная стратегия представлена в литературном творчестве писателя В.В. Набокова, с равным успехом создававшего произведения как на английском, так и на русском языках.

Идеальные типы жизненных стратегий: традиционалисты, модернисты, смешанные

В исследованиях социолога Рональда Инглхарта (Ronald Inglehart, 1934–2021) отражены типы ценностей, позволяющие охарактеризовать полярные состояния общества и личности на пути от традиционного образа жизни к современности: пресловутые ценности выживания или развития, безопасности или свободы (Инглхарт, 2018). Упомянувшийся выше А. Инкелес предложил аналитическую модель современного человека, включившую в описание девять социально-психологических параметров: автономия и самостоятельность личности; активность субъекта, его способность выстраивать и контролировать собственную жизнь; гражданственность и социальность; открытость к новым впечатлениям, изменениям и новациям; рациональность; способность стратегического планирования; ориентация не на прошлое, а настоящее и будущее; критическое мышление и толерантность к плюрализму (Inkeles, 1975).

В ходе эмпирических исследований процессов индивидуальной модернизации (process of individual modernization) опрошено более 6000 мужчин из шести развивающихся стран: Аргентины, Чили, Индии, Израиля, Нигерии и Восточного Пакистана. А. Инкелес полагал, что человек не рождается современным, а в процессе социализации им становится; это происходит благодаря персональному и особому жизненному опыту. В индивидуальные траектории становления современности (development of individual modernity) существенный вклад вносят образовательные и профессиональные практики: «работа в сложных, рационализированных, технократических и даже бюрократических организациях обладает специфическим потенциалом изменять людей настолько, что в своих установках, ценностях и поведении они переходят от традиционного полюса к

более современному» (Inkeles, 1975, p. 325). Дело заключается в том, что современные политические и экономические институты предъявляют к людям общие требования: личной, профессиональной, социальной и даже географической мобильности; готовности приспосабливаться к изменениям в образе жизни, труда и досуга; стимулируют инициативу и склонность становиться новатором; толерантность к различиям, в том числе, разнообразному происхождению и внешнему виду коллег в крупных организациях. «Эти и связанные с ними качества не являются легко доступными людям в развивающихся странах до тех пор, пока они погружены в традиционную сельскую жизнь, практически заперты в феодальных схемах землевладения, обречены быть во власти своекорыстных элит, отчаянно пытающихся сохранить собственный статус-кво, зависят от неадекватных и устаревших государственных институтов и лишены преимуществ современной науки и техники, а также стимуляции современными массовыми коммуникациями» (Ibid., p. 324–325).

Ориентация на те или иные ценности и жизненные практики позволяет выделить поведенческие паттерны личности, которые в исследованиях российского социолога М.А. Ядовой были обозначены как *традиционалисты, модернисты, смешанные* (Ядова, 2008, 2012, 2015). На наш взгляд, эти паттерны могут быть представлены в психологии в качестве идеальных типов адаптационных стратегий (см. таблицу 1), в совокупности образующих адаптационный потенциал личности. Под адаптационными стратегиями здесь понимаются поведенческие практики, ценностные ориентиры и жизненные траектории личности, стихийно или осознанно формирующиеся в ситуации социокультурных изменений.

Таблица 1. Различия адаптационного потенциала традиционалистов и модернистов (на основе аналитической модели А. Инкелеса и эмпирических исследований М.А. Ядовой)

Российская молодежь	Традиционалисты	Модернисты
Социальный капитал	(«низкоресурсные»)	(«высокоресурсные»)
Образование	менее образованы	более образованы
Саморефлексивность	в меньшей степени осознают собственные принципы и аттитуды	в большей степени осознают собственные принципы и аттитуды
Социальная идентификация	с ближним кругом – ориентация на родственные, семейные и дружеские связи	с человечеством – ориентация на универсальные, общечеловеческие принципы
Этика	релятивизм	универсализм

Мораль	«аморальная семейственность»	общечеловеческие ценности
Правовая рациональность	правовой нигилизм	правовая осознанность
Гражданственность	гражданская пассивность	гражданская активность
Представления об успехе	материальное благополучие, хорошая работа, дружная семья, душевная гармония	материальное благополучие, хорошая работа, дружная семья, душевная гармония
Пути достижения успеха	случай, блат, везение	опора на собственные ресурсы (личностные, коммуникативные, профессиональные)
Религиозность	снижение религиозности	снижение религиозности
Отношение к социальным изменениям	толерантность к изменениям	толерантность к изменениям
Повседневные поведенческие практики	смешанные стратегии	смешанные стратегии

В лонгитюдном исследовании М.А. Ядовой, начиная с нулевых годов, изучались ценности и поведенческие стратегии российской молодежи (Ядова, 2006, 2008, 2012, 2015). Ей были установлены взаимосвязи между социальным капиталом и такими социальными типами личности, как традиционалисты и модернисты. В приведенной выше таблице обращает на себя внимание сближение этих, в остальном полярных, позиций по трем параметрам – представление об успехе, общее снижение религиозности и отношение к социальным изменениям. Однако едва ли не наиболее показательной является широкая представленность в повседневных поведенческих и жизненных практиках смешанных стратегий, что свидетельствует о высоком адаптационном потенциале российской молодежи, ее готовности встраиваться как в консервативный, так и в модернизационный социокультурные тренды (см. таблицу 2).

Таблица 2. Жизненные траектории российской молодежи в начале XXI в. (на основе социологических исследований М.А. Ядовой)

Российская молодежь	Традиционалисты	Миксы (смешанные)	Модернисты
«Сильный» социальный капитал («высокоресурсные»)	10%	70%	20%

«Слабый» социальный капитал («низкоресурсные»)	25%	62,5%	12,5%
Идеальная модель	10–20%	60–80%	10–20%

Хотя идеальная модель представленности в российском молодежном сообществе традиционалистов, модернистов и миксов (смешанных) в целом отвечает принципу Парето², где 20% приходится на полярные позиции, а 80% принадлежит умеренным адаптационным стратегиям. С высокой долей уверенности можно предположить, что эти социологические срезы станут динамично меняться в зависимости от изменений социокультурного контекста.

Также отметим, что Н.В. Гришина выделяет *адаптивные* и *трансформационные* стратегии личности. Адаптивные стратегии отвечают за гибкость, пластичность поведения человека в ситуации изменений и служат важным фактором его готовности к переменам; тогда как трансформационные стратегии описывают поведение человека, который сам становится субъектом и агентом этих изменений (Костромина, Гришина, 2021).

Немалый интерес для современной психологии личности могут представлять и междисциплинарные *концепции трансформационного лидерства* (Bass, Riggio, 2006; Burns, 2003, 2013). Так, например, американский историк и политолог Дж. Бернс (James MacGregor Burns, 1918–2014) выделил два типа лидерства – *транзакционное* (transactional leadership) и *трансформационное* (transformational leadership). В первом типе лидерства фокусом внимания оказываются отношения между лидером и его последователями, во втором лидеры сосредотачиваются на убеждениях, потребностях и ценностях своих сторонников и, перифразируя известное положение Л.С. Выготского, способны повести за собой развитие этих сообществ. Трансформационное лидерство основывается на принципах мобильности, открытости, инновационности, рациональности, этичности, правовой осознанности, демократии и по сути дела отвечает жизненным стратегиям модернистов. Как отмечает Д.О. Куценко, оно востребовано в кризисных ситуациях,

² Принцип Парето, называемый также принципом 80/20, получил свое название в честь итальянского экономиста–социолога В. Парето, который в 1897 г. изучал распределение доходов домохозяйств; в дальнейшем правило применялось к разным областям социальной жизни, например, в маркетинге – 80% прибыли приносят 20% постоянных клиентов; в организационной психологии – 80% результата рождается из 20% усилий, тогда на оставшиеся 20% приходится уже 80% усилий; и т.п. (Кох, 2012)

поскольку восполняет дефициты государственного управления и обеспечивает достижение консенсуса между различными социальными группами (Купченко, 2020).

В современных антропологических исследованиях изучаются такие особенности современности, как мобильность, гибридность и креолизация (Гусельцева, 2021). Эти процессы антиномичны и амбивалентны. Смешение культур, ценностей и образов будущего способно как повышать толерантность и креативность личности, так и провоцировать экзистенциальные и социальные конфликты. Диалектика глобальных и локальных процессов нашла отражение в понятиях: «глокализация» – единство глобального и локального, а также «гробализация» – сочетание глобализации и быстроты роста (growth). Культура в этом контексте рассматривается в качестве амбивалентного явления, способствующего и объединению общества (универсализации), и его дифференциации (росту разнообразия); и сплочению нации, и возникновению социальных конфликтов (Eriksen, 2015). Между тем, смешанные жизненные стратегии являются адаптационным ответом на текущую ситуацию социокультурных изменений.

Изучая современность, французский антрополог М. Оже (Marc Augé, p. 1935) подчеркивал, что не следует преувеличивать риски перемешивания культур, ибо идентичность человека изменяется на протяжении всей его жизни, а культуры только обогащаются в результате встреч и взаимных обменов. Напротив, личности или сообщества, выбирающие пути закрытости и изоляции, перестают развиваться, оказываясь поработченными *иллюзорной идентичностью* – идеальным представлением о «корнях» или «традиционных ценностях». Именно в этих случаях, согласно М. Оже, возникают социальные и экзистенциальные кризисы личности (Augé, Colleyn, 2019). В свою очередь, Д. Гёкхан обратил внимание на тот факт, что глобализация не только поощряет развитие космополитической культуры, но и мобилизует региональные идентичности. В ситуации креолизации, гибридации и социальной мобильности личность современного человека становится многослойной, с одной стороны, творчески совмещая локальный и глобальный уровни идентичности, с другой – пребывая в постоянстве изменений (Гёкхан, 2015). Таким образом, особенностями современной социокультурной ситуации развития личности выступают отрефлексированные антропологами антиномии: глобализация vs регионализация; космополитизм vs политики идентичности; инклюзия vs изоляционизм; единообразие

vs разнообразие (Eriksen, 2015). Обратим здесь внимание на две возможные адаптационные стратегии – *радикализацию* и *гармонизацию*. Если первая соответствует кризисному состоянию личности и общества, то вторая служит признаком успеха индивидуальной модернизации.

Оптимум социокультурных изменений

Немецкий социолог и философ Карл Мангейм (Karl Mannheim, 1893–1947) некогда рассуждал о том, что как слишком высокий, так и слишком низкий темп социальных изменений препятствует позитивному развитию личности (Мангейм, 2000). В свою очередь, американский антрополог Маршалл Салинс (Marshall David Sahlins, 1930–2021), изучая формирование социальных практик в трансформирующихся обществах, заметил, что в одних случаях перед личностью открываются превосходные шансы «сотворить историю», тогда как в других – сложившиеся конфигурации структур и процессов категорически не позволяют этого сделать даже при полном напряжении творческих сил субъекта (Eriksen, Nielsen, 2013). С опорой на эти рассуждения и современные исследования в сфере социальных наук представляется уместным ввести конструкт *оптимум социальных изменений*, подчеркивающий, что темп трансформаций может как поддерживать, так и угнетать человека с определенным типом личности и адаптационным потенциалом, выбирающего органичные жизненные стратегии. Этот конструкт позволяет анализировать, какие социальные группы оказываются востребованы в ситуации тех или иных социокультурных изменений, а каким требуется если не психологическая помощь, то повышенное внимание. Помимо этого, психологическая концептуализация этих представлений позволяет более эффективно действовать в ситуациях и неизбежных реформ, и социокультурных модернизаций, предупреждая последствия коллективных культурно-психологических травм.

Таким образом, социокультурная динамика и неоднородность социального пространства выступают основанием разных жизненных траекторий и адаптационных стратегий личности. В трудах немецкого литературоведа Ю. Петерсена (Julius Petersen, 1878–1941), на него ссылался К. Мангейм, в начале XX в. рассматривался вопрос о дифференциации социальных типов, которые в зависимости от особенностей эпохи становились угнетаемыми или поощряемыми к развитию. Формулируя концепцию литературных поколений, Ю. Петерсен выделил три жизненные траектории личности,

обусловленные социально-историческим контекстом – «*лидирующий*», «*ангажированный*» и «*подавленный*» социальные типы. Так, личность, живущая в эпоху, где поддерживаются ее склонности и ценности, принадлежит к «лидирующему» типу и имеет больше шансов для самореализации, в то время как романтик, живущий в эпоху рационализма, окажется «подавленным» (Petersen, 1930, 1968). В рамках этой концепции человек консервативного склада будет отнесен к лидирующему социальному типу в условиях контрреформации; смешанные социальные типы в ситуации социокультурных изменений имеют больше шансов оказаться ангажированными; а модернисты в реакционные времена станут чувствовать себя подавленными. В последнем случае субъект столкнется с выбором: следовать ли своим наклонностям или противостоять воздействию среды, но оказаться в своем времени маргиналом; либо, отказавшись от собственных ценностей и призвания, принять нормативности данной эпохи.

Между тем общества, где набирают силу консервативные тенденции, стагнируют и накапливают своего рода социально-психологические токсины, в дальнейшем реализующиеся в кризисах. Такие кризисы порождают объективный, но принимающий субъективное выражение запрос на перемены, в связи с чем новые поколения молодежи начинают отрицать ценности т.н. отцов. Общества, в которых трансформационные тенденции оказываются слишком стремительны, в дальнейшем имеют более высокие риски реставраций и возврата консервативных настроений. Именно поэтому успешные модернизации, осуществившие трансформацию в современность, вынуждены проходить сквозь игольное ушко, балансируя между «изобретением традиций» (Э. Хобсбаум) и поддержкой изменений.

Представляется, что дальнейшая разработка этих идей имеет не только теоретический, но и практический потенциал для психологии, поскольку в условиях современности особенно важен культурно-психологический анализ, обращающийся к диверсификации социокультурного пространства, обнаружению в нем слоев, оказывающих как поддерживающее, так и деструктивное влияние на различные траектории жизни и развития личности.

Заключение

Текущие социокультурные изменения выступают предпосылками диверсификации, радикализации и гармонизации жизненных стратегий личности, представленных сегодня в социальных науках идеальными типами: модернисты, традиционалисты, миксы. При

этом смешанные ценности и поведенческие стратегии служат основой высокого адаптационного потенциала российской молодежи, диапазоны возможностей которого обусловлены особенностями социокультурного контекста.

Реакцией на трансформации современности становится нормативное разнообразие жизненных траекторий и адаптационных стратегий личности. При этом в психологии социокультурные изменения могут быть осмыслены на разных уровнях анализа: в качестве методологической проблемы и особенностей развития личности в ситуации современности. Подходы к целостному изучению личности и характеристики ее цельности нуждаются в переосмыслении в связи с меняющимися требованиями к адаптационному потенциалу человека в условиях современности. В этой связи предлагается развести конструкты «целостность личности» и «цельность личности», различая их как методологический идеал и феноменологическую реальность. Если целостность личности обусловлена возможностью ее изучения посредством интеграции различных аспектов человеческого существования, то цельность личности не только отражает структурно-функциональное состояние человека, предполагая осознанность, целеустремленность, сформированность мировоззрения и убеждений, активную жизненную позицию, но и рассматривается в качестве адаптационного потенциала в ситуации социокультурных изменений.

Таким образом, в методологическом плане изучение личности в контекстах современности опирается на трансдисциплинарный подход, где проблемно-ориентированные исследования интегрируют материалы психологии, социологии, антропологии, этнографии, образуется единое познавательное пространство социальных наук. В практическом плане представляется полезным знакомство с широким спектром адаптационных стратегий, встречающихся в разных социокультурных контекстах, а в теоретическом – разработка в психологии представлений об *оптимуме социокультурных изменений и нормативности разнообразия*.

Менее очевидной, но крайне важной остается и рефлексия взаимосвязи между освоением социального знания, уровнем его преподавания в общеобразовательных школах и университетах, доступностью массовому сознанию, с одной стороны, и качеством жизни личности, благополучием общества, с другой.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект 22-18-00140 «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

Литература

Беляев, И.А. «Целостность человека» и «цельность человека»: соотношение понятий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 2(163). С. 204–211.

Вахштайн, В.С. Пять книг о посткритической социологии // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 275–281.

Гёкхан, Д. Глобализованный мир: культурное разнообразие, идентичность и диалог культур // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2015. № 14. С. 112–115.

Гусельцева, М.С. Антропология современности: человек и мир в потоке трансформаций: монография: в 3 ч. Ч. 1. М.: Акрополь, 2021.

Гусельцева, М.С. Диалектика современности: антиномичность как фактор развития культуры, личности, методологии // Новые психологические исследования. 2022. № 2. С. 7–31. DOI: 10.51217/prsyresearch_2022_02_02_01

Зинченко, В.П., Пружинин, Б.И., Щедрин, Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.

Ингхарт, Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Инкельс, А. Личность и социальная структура // Американская социология. Перспективы проблемы методы. / Под ред. Г. Осипова. М.: Прогресс, 1972. С. 37–53.

Костромина, С.Н., Гришина, Н.В. О пространстве возникающего // Психологическая газета. 7 сентября 2021. URL: <https://psy.su/feed/9231/> (дата обращения 28.07.2022)

Кох, Р. Принцип 80/20. М.: Эксмо, 2012.

Крастев, И. После Европы. М.: Дело, 2018.

Куценко, Д.О. Трансформационное лидерство и партисипативность государственного и муниципального управления: анализ современных тенденций // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 191–200.

Кушнер, А. Времена не выбирают. М.: ЭКСМО, 2014.

Мангейм, К. Очерки социологии знания. Проблемы поколений – состоятельность – экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000.

Пинкер, С. Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

Ядова, М.А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 83–93. DOI 10.31857/S013216250011067-6

Ядова, М.А. Нормативные поведенческие установки молодежи постсоветского поколения (на примере исследования контрастных социальных групп): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2006.

Ядова, М.А. Российское поколение Икс: «модернисты» и «традиционалисты» (опыт пилотажного исследования) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 37–46.

Ядова, М.А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 114–125.

Ядова, М.А. Ценностные приоритеты и нравственные установки постсоветской молодежи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2015. № 4. С. 110–123.

Augé, M., Colleyn, J.-P. L'antropologia del mondo contemporaneo. Milano: Elèuthera, 2019.

Bass, B.M., Riggio, R.E. Transformational leadership. New York: Psychology Press, 2006.

Burns, J.M. Fire and Light: How the Enlightenment Transformed Our World. New York: Thomas Dunne Books/St. Martin's Press, 2013.

Burns, J.M. Transforming Leadership: A New Pursuit of Happiness. New York: Atlantic Monthly Press, 2003.

Einarsdóttir, J., Wagner, J.T. (Eds.). Nordic Childhoods and Early Education: Philosophy, Research, Policy and Practice in Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden. Charlotte, NC: Information Age, 2006.

Eriksen, T.H. Creolization and creativity // Global Networks. 2003. Vol. 3(3). P. 223–237.

Eriksen, T.H. Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology. London: Pluto Press, 2015.

Eriksen, T.H., Nielsen, F.S. A History of Anthropology. London: Pluto Press, 2013.

Hare, B., Woods, V. Survival of the Friendliest: Understanding Our Origins and Rediscovering Our Common Humanity. London: Random House, 2020.

Inkeles, A. Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries // Ethos. 1975. Vol. 3(2). P. 323–342. DOI:10.1525/eth.1975.3.2.02a00160

Inkeles, A. One world emerging? Convergence and Divergence in Industrial Societies. Boulder, Colo: Westview Press, 1998.

Jensen, B.A Nordic approach to Early Childhood Education (ECE) and socially endangered children // *European Early Childhood Education Research Journal*. 2009. Vol. 17(1). P. 7–21.

Petersen, J. *Die literarischen Generationen*. Berlin: Junker und Dünna, 1930.

Petersen, J. *Die Wesensbestimmung der deutschen Romantik: eine Einführung in die moderne Literaturwissenschaft*. Leipzig: Quelle & Meyer, 1968.

Serracant, P. The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe // *Young*. 2015. Vol. 23(1). P. 39–58.

Spindler, G. (Ed.). *Fifty years of Anthropology and Education. 1950–2000. A Spindler Anthology*. New Jersey-London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2000.

Spindler, G., Spindler, L. Instrumental Competence, Self-Efficacy, Linguistic Minorities, and Cultural Therapy: A Preliminary Attempt at Integration // *Anthropology & Education Quarterly*. 1989. Vol. 20(1). P. 36–45.

Van Lange, P.A.M. (Ed.). *Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches*. Mahwah: Erlbaum, 2006.

Сведения об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Институт психологии имени Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Мнусская пл., д. 6; *mguseltseva@mail.ru*

Guseltseva M.S.

Personality Strategies in a Situation of Sociocultural Changes:
Traditionalists, Modernists, Mixed

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Sociocultural changes are an important factor for understanding the development of the individual in modern conditions. The socialization of the younger generations is considered in the social sciences as a complex and contradictory process, where different trends are intertwined: general civilizational, associated with the spread of globalization and digitalization; pan-European, setting cultural patterns, forming one or another intellectual trend, carrying technological or social innovations; regional, determined by ways of life in the local spaces of everyday life, characterized by the greatest creativity and diversity. Socio-psychological diversification, normative variety of life trajectories and

adaptive strategies of the individual becomes a reaction of the transformation of modernity. In psychology, sociocultural changes can be comprehended at different levels of analysis: as a methodological problem; as features of personality development in the contexts of modernity. In this regard, it is proposed to separate the constructs “integrity of the individual” and “wholeness of the individual”. The first one is considered as a methodological ideal implemented through a transdisciplinary approach, using materials of the social sciences in psychology. The second characterizes the structural and functional qualities of the personality and acquires ambiguity and ambivalence in a situation of change. The dialectical understanding of the processes of modernity, including the description of the development of the individual through antinomies, produces ideas according to which, in complex self-developing systems, stability is based on changes; sustainability needs diversity; civil solidarity rests on personal autonomy, and the quality of social adaptation is largely determined by the internal locus of control, the ability for autonomy and individualized activity of the subject. Current sociocultural changes serve as prerequisites for the diversification, radicalization and harmonization of the adaptive behavior of the individual, represented in the social sciences by three ideal types of life strategies: modernists, traditionalists, mixes (mixed). It is argued that mixed values and behavioral strategies underlie the high adaptive potential of Russian youth, the dynamics of which is determined by the sociocultural context.

Key words: methodology, personality, sociocultural changes, transdisciplinary approach, modernity, culture

For citation: Gusevtseva, M.S. (2023). Personality Strategies in a Situation of Sociocultural Changes: Traditionalists, Modernists, Mixed. *New Psychological Research*, No. 1, 7–29. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_01_01

Acknowledgment

The study was supported by the Russian Science Foundation, project 22-18-00140 “Dynamic stability of personality in the space of sociocultural uncertainty”.

References

- Augé, M. & Colleyn, J.-P. (2019). *L'antropologia del mondo contemporaneo*. Milano: Elèuthera.
- Bass, B.M. & Riggio, R.E. (2006). *Transformational leadership*. New York: Psychology Press.
- Belyaev, I.A. (2014). “The integrity of the person” and “the wholeness of the person”: the correlation of concepts. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(163), 204–211.
- Burns, J.M. (2003). *Transforming Leadership: A New Pursuit of Happiness*. New York: Atlantic Monthly Press.

Burns, J.M. (2013). *Fire and Light: How the Enlightenment Transformed Our World*. New York: Thomas Dunne Books/St. Martin's Press.

Einarsdóttir, J., Wagner, J.T. (Eds.) (2006). *Nordic Childhoods and Early Education: Philosophy, Research, Policy and Practice in Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden*. Charlotte, NC: Information Age.

Eriksen, T.H. (2003). Creolization and creativity. *Global Networks*, 3(3), 223–237.

Eriksen, T.H. (2015). *Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology*. London: Pluto Press.

Eriksen, T.H., Nielsen, F.S. (2013). *A History of Anthropology*. London: Pluto Press.

Gökhan, D. (2015). Globalized world: cultural diversity, identity and dialogue of cultures. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, 14, 112–115.

Grishina, N.V., Kostromina, S.N. (2021, September 7.). On the space of the emerging. *Psikhologicheskaya gazeta*. Retrieved from <https://psy.su/feed/9231/>

Guseltseva, M.S. (2021). Anthropology of modernity: man and the world in the stream of transformations. Monograph: in 3 parts. Part 1. Moscow: Akropol'.

Guseltseva, M.S. (2022). Dialectics of modernity: antinomy as a factor in the development of culture, personality, methodology. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 2, 7–31. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_02_01

Hare, B., Woods, V. (2020). *Survival of the Friendliest: Understanding Our Origins and Rediscovering Our Common Humanity*. London: Random House.

Inglkhart, R. (2018). *Cultural Evolution: How Human Motivations Change and How It Changes the World*. Moscow: Mysl'.

Inkeles, A. (1975). Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. *Ethos*, 3(2), 323–342. DOI:10.1525/eth.1975.3.2.02a00160

Inkeles, A. (1998). *One world emerging? Convergence and Divergence in Industrial Societies*. Boulder, Colo: Westview Press.

Inkels, A. (1972). Personality and Social Structure. American sociology. In G. Osipov (Ed.), *Prospects, problems, methods* (pp. 37–53). Moscow: Progress.

Jensen, B. (2009). A Nordic approach to Early Childhood Education (ECE) and socially endangered children. *European Early Childhood Education Research Journal*, 17(1), 7–21.

Koch, R. (2012). *The 80/20 Principle*. Moscow: Eksmo.

Krastev, I. (2018). *After Europe*. Moscow: Delo.

Kushner, A. (2014). *Times do not choose*. Moscow: Eksmo.

Kutsenko, D.O. (2020). Transformational Leadership as a Source of Participatory Governance. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 8, 191–200.

Mannheim, K. (2000). *Essays on the Sociology of Knowledge*. Moscow: INION RAN.

Petersen, J. (1930). *Die literarischen Generationen*. Berlin: Junker und Dünha.

Petersen, J. (1968). *Die Wesensbestimmung der deutschen Romantik: eine Einführung in die moderne Literaturwissenschaft*. Leipzig: Quelle & Meyer.

Pinker, S. (2021). *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. Moscow: Al'pina non-fikshn.

Serracant, P. (2015). The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe. *Young*, 23(1), 39–58.

Spindler, G. & Spindler, L. (1989). Instrumental Competence, Self-Efficacy, Linguistic Minorities, and Cultural Therapy: A Preliminary Attempt at Integration. *Anthropology & Education Quarterly*, 20(1), 36–45.

Spindler, G. (Ed.). (2000). *Fifty years of Anthropology and Education. 1950–2000. A Spindler Anthology*. New Jersey-London: Lawrence Erlbaum Associates Publ.

Vakhshain, V.S. (2012). Five books on post-critical sociology. *Sotsiologiya vlasti*, 6–7, 275–281.

Van Lange, P.A.M. (Ed.). (2006). *Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches*. Mahwah: Erlbaum.

Yadova, M.A. (2006). *Normative behavioral attitudes of the youth of the post-Soviet generation (on the example of the study of contrasting social groups)*. (Doctoral dissertation in Sociology). Moscow.

Yadova, M.A. (2008). Russian generation X: “modernists” and “traditionalists” (the experience of a pilot study). *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 3, 37–46.

Yadova, M.A. (2012). Modern and traditional values of post-Soviet youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1, 114–125.

Yadova, M.A. (2015). Value priorities and moral attitudes of post-Soviet youth. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, 4, 110–123.

Yadova, M.A. (2022). Life trajectories of the youth in the 21-st century: risks and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2, 83–93. DOI 10.31857/S013216250011067-6

Zinchenko, V.P., Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. (2010). *The origins of cultural and historical psychology: a philosophical and humanitarian context*. Moscow: ROSSPEN.

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Sc.D. (Psychology), Associate professor, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya square, Moscow, Russia, 125047; *mguseltseva@mail.ru*